

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 8

Москва
2008

Содержание

ТЕОРИЯ МОРАЛИ

<i>Л.В. Максимов</i>	
Когнитивный статус этики	3
<i>В.И. Бахитановский, Ю.В. Согмонов</i>	
Моральный феномен: от элементарного нравственного порядка к сложной нормативно-ценностной системе	21

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>О.В. Артемьева</i>	
Практическая добродетель в этике Ричарда Прайса	42
<i>М.Л. Ключова</i>	
Антропологическое учение Л.Н.Толстого: теоретические основания и практический смысл	65
<i>Т.А. Кузьмина</i>	
Экзистенциальная этика Н.А.Бердяева	87

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

<i>О.П. Зубец</i>	
Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали	128
<i>А.В. Смирнов</i>	
«Благо» и «зло» в исламской традиции и философии (к постановке вопроса). Избранные тексты	154
<i>Р.Г. Апресян</i>	
О появлении понятия «золотое правило»	194
<i>З. Шаварский</i>	
Право на благодарность	213
<i>А.В. Прокофьев</i>	
Справедливое отношение к будущим поколениям (нормативные основания и практические стратегии)	229

ОБЗОРЫ

<i>М.А. Корзо</i>	
Обзор книги М.В.Корогодиной «Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследования и тексты»	254

ОБЗОРЫ

Обзор книги М.В.Корогодиной «Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследования и тексты»¹

Монография М.В.Корогодиной продолжает традицию исследований исповедальных практик на Руси, начатую в конце XIX в. профессором Новороссийского университета А.И.Алмазовым², и представленную именами М.И.Горчакова³, А.С.Павлова⁴, С.И.Смирнова⁵, Н.С.Суворова⁶ и других. Таинство исповеди практиковалось в христианских общинах с самого начала их существования. Со временем из единичного, происходящего единожды в жизни события, исповедь становится регулярной. Меняется и ее форма: на смену публичному исповеданию приходит индивидуальная беседа духовника и кающегося. Изменения отразились не только на чинопоследовании таинства, но и породили многочисленную специальную литературу, призванную облегчить совершение исповеди.

¹ СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 584 с.

² Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. Т. 1–3. Одесса, 1894.

³ К истории эпитимийных номоканонов. СПб., 1874.

⁴ Номоканон при Большом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. Опыт научного разрешения вопросов об этом сборнике, возникших в прошлом столетии в Святейшем Правительствующем Синоде. М., 1897.

⁵ Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913.

⁶ К вопросу о тайной исповеди и о духовниках в восточной церкви. Ярославль, 1893.

Именно этим памятникам, их проникновению на Русь и развитию на протяжении XIV–XIX вв. и посвящено исследование М.В.Корогодиной.

Книга построена преимущественно на материале трех разновидностей покаянных текстов: вопросников, поновлений и епитимийных правил; рассматривается история их создания и редактирования на русской почве, их связь с византийской и южнославянской традициями. Значительная часть используемых в исследовании памятников опубликована в приложении к монографии. Данные публикации расширяют и дополняют подборку источников, изданных впервые А.И.Алмазовым. Источники близки по жанру, но имеют и свою специфику. Все три разновидности покаянных текстов имеют греческие прототипы, конституируются с утверждением в конце IV–V в. практики тайной исповеди. Вопросники представляют собой перечни вопросов, которые духовник задавал кающемуся. Они разбиты по тематическим рубрикам, различают кающихся в зависимости от церковного или гражданского состояния, от возраста, пола и семейного положения. Вопросники были составной частью чинов исповеди в требниках и служебниках. Поновления также представляют собой перечни всевозможных грехов, которые христианин зачитывал вслух сам на исповеди, если был грамотен. Поновление мог зачитывать и духовник, а кающийся после каждого греха произносил «согреших, отче» и «прости мя, отче», показывая, что текст говорится от его имени. Поновления использовались прежде всего для воспоминания прежних, уже открытых на исповеди и раскаянных грехов, за которые грешник уже понес наказание (с. 41). Епитимийные правила включают перечни наказаний или санкций, налагаемых за то или иное прегрешение. На практике, как правило, соблюдался принцип назначения епитимьи по самому тяжелому из совершенных грехов, а не суммирования наказаний. Первоначально в Византии в основу епитимийной системы легли правила Василия Великого, отличавшиеся значительным ригоризмом. Позднее их заменила более мягкая система наказаний, составление которой приписывается Константинопольскому патриарху Иоанну Постнику (ум. 595 г.), в основу которой было положено

представление о том, что главное «не время покаяния, а образ». С чином Иоанна Постника иногда связывают и формирование понимания епитимьи как своеобразного духовного врачевания, призванного не покарать согрешившего, но помочь ему исцелиться. В западном богословии учение о наказании, налагаемом на совершившего покаяние грешника, развивалось в ином русле. С эпохи зрелой схоластики наказание стало пониматься как своего рода удовлетворение (*satisfactio*), которое приносит грешник за нанесенное им Богу оскорбление.

Исповедные тексты позволяют составить представление о том, какие поступки считались греховными и подлежали наказанию; в меньшей степени на их материале можно реконструировать, что относилось в ту или иную эпоху к сфере добродетельного: эти данные присутствуют косвенно, в негативной форме, через осуждение конкретных поступков (например, отказ в милостыне нуждающимся; отказ в попечении престарелым родителям). В этом состоит специфика памятников исповедного жанра: они не носят нормативного характера, не задают оснований поведения, но нацелены на описание максимально возможного числа девиантных поступков. В отличие от западных пенитенциариев (своеобразный католический аналог вопросников и епитимийных правил), где оцениванию и санкциям с конца XV в. подлежали также грехи, допущенные в мыслях и в намерении, распространенные на русской почве вопросники учитывали почти исключительно совершенные поступки. Встречаются лишь отдельные статьи, посвященные т.н. «грехам духа»: зависти, гордыне, злобе, проклятию себя. Поновления, в которых перечислялись отвлеченные и обобщенные грехи, были, как правило, переводными, имели балканское или греческое происхождение (с. 263).

С другой стороны, исповедные тексты нельзя рассматривать как простое зеркальное отражение нравов той или иной эпохи, хотя они и описывают мельчайшие подробности жизни людей (быта, верований, социальных отношений, сексуальных запретов, взаимоотношений в семье, развлечений) в их негативном проявлении. Цель исповедных текстов – представить наиболее полный список грехов, которые *могут* быть совершенными, но не обязательно присущи каждому человеку. И вопрос-

ники, и епитимийные правила составлялись в значительной степени на основе памятников книжной культуры: Кормчих книг, творений отцов церкви, византийских канонических правил. Не всегда бывает просто отделить то, что было привнесено из книжности, от того, что появилось под влиянием процессов, действительно происходивших в русском обществе. С другой стороны, изучение состава исповедных текстов на протяжении длительного отрезка времени позволяет сделать определенные предположения: если отдельные виды грехов исчезают из вопросников или трансформируются некоторым образом или, наоборот, появляются новые категории, не свидетельствует ли это о том, что исповедные тексты предлагают свой ответ на изменившуюся социальную реальность?

Таким знаковым примером, ответом на новые для общества социальные вызовы, можно считать появление в какой-то момент в исповедных текстах статей о вере. Упоминания о «поганных» sporadически встречаются в вопросниках XV в.; веком позднее упоминания становятся более регулярными, а под «погаными» начинают понимать почти исключительно инославных жителей других стран (с. 61). Вопросник, полностью посвященный расспросам об ортодоксальности кающегося, складывается только в начале XVII в. — в эпоху интенсификации контактов и конфликтов с «инославным» окружением, проникновением в Московское государство памятников протестантской и католической письменности. Данный вопросник получил впоследствии широкое распространение, поскольку вошел в состав первого печатного Требника 1623 г.

В православной традиции вопросники выстраивались преимущественно по социальным ролям и статусам. Уже в XIV в. из общих мирских выделяются отдельные тексты для мужчин и женщин. В XV в. происходит деление на мирские и монашеские вопросники, причем создаются памятники не только для монахов, но и для монахинь. К началу XVI в. специализация вопросников становится еще более узкой. Этот процесс шел двумя путями: через выделение новых категорий кающихся и через выделение новых разновидностей грехов. Появляются памятники, предназначенные для «властителей», судей, бояр, «торговых» и «земских людей», «поселян». Исповедных текс-

тов, составленных по профессиональному признаку, в русской традиции было значительно меньше, чем на Западе. В предназначенных для приходской практики католических пенитенциариях второй половины XVI в. выделялось в среднем около двадцати видов профессиональной деятельности, из них — почти семь «профессий» имели отношение к судебной системе. Во второй половине XVI — начале XVII в. в практике исповеди в Московском государстве начинают использоваться вопросники, обращенные к детям, девицам и холостякам, вдовам и вдовцам, дьяконам, архиереям и царям.

В третьей четверти XVI в. появляется вопросник и для представителей власти (с. 95). Одним из источников исповедных текстов «для вельмож» стали «крестоцеловальные записи», или тексты присяг на верность государю⁷, а также Судебник и указы великого князя. Эти памятники включали вопросы о службе государю и об измене, об отправлении суда, обращении с челядью, о воинской службе, об отношении к монастырям и клирикам. Около 1630 г. издается «Чин исповеданию православным царем и великим князем Московским и всея Руси» и «Чин исповеданию святейшим патриархом Московским и всея Руси» (с. 115).

Внутри распределенных по социальным ролям и статусам вопросников можно выделить ряд тематических блоков, посвященных определенным греховным деяниям.

Первоначальная классификация грехов в греческой и русской исповедной практике была связана с учением о мытарствах. Мытарства понимались как истязание расставшейся с телом души, в котором участвовали и ангелы (перечислявшие благие дела почившего), и бесы (обличавшие его прегрешения)⁸. В католической же традиции, где преобладало понимание греха как нарушение установленного Богом правового порядка⁹, в ос-

⁷ Флоря Б.Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. М., 1994. С. 204–214.

⁸ В православной традиции данное учение складывается на основе рассказа о хождениях преподобной Феодоры по мытарствам из жития византийского отшельника Василия Нового (ум. ок. 952 г.).

⁹ Моралисты апеллировали в этом случае к определению Августина («Dictum vel factum vel concupitum contra legem aeternam» (Contra Faustum manichaeum, 1,22,27)).

нову классификации были положены различные виды права: Божественного (прописанные в Ветхом Завете нормы декалога), церковного (т.н. церковные заповеди) и светского; позднее было добавлено естественное право. Общая классификация грехов в западных пенитенциариях была более формализованной и детальной: кающийся, в частности, вопрошался о грехах против кардинальных добродетей веры, надежды и любви; о проступках, могущих случиться во время участия в церковных таинствах; о грехах, совершаемых пятью телесными чувствами; против предписанных Евангелием дел милосердия.

Исповедный текст в русской традиции обычно начинался вопросом об обстоятельствах потери невинности кающимся. Это объясняется тем, что ранние исповедные уставы предназначались для монашеской среды, в которой блуд рассматривался как один из самых тяжких грехов. В русских текстах, много взявших из греческих, вопросы о блуде занимали центральное место, охватывая порой до двух третей общего объема текста (с. 35). Со второй половины XVI в. число таких вопросов сокращается¹⁰. Вопросники оговаривали все мыслимые прегрешения в сексуальной области: половые отношения неженатых людей; внебрачные отношения лиц, состоящих в браке или монашествующих; кровосмешение; гомосексуальные отношения; малакия (рукоблудие); скотоложество; анальный и оральный секс. До XVIII в., правда, не встречаются вопросы о смеси насилия и секса и о групповом сексе. К вопросам о блуде тематически примыкали сюжеты о браке, обручении и венчании; о сводничестве, а также о развлечениях, могущих спровоцировать неодобряемые Церковью формы сексуальных отношений.

¹⁰ М.В.Корогодина ссылается в своем исследовании на целый ряд работ, посвященных вопросам сексуальной этики и господствовавшим на Руси сексуальным нравам. Приведем лишь некоторые из них: *Пушкарева Н.Л.* Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов (X–XVII вв.) // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А.Л.Топорков. М., 1996. С. 4–103; «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.) / Отв. ред. Н.Л.Пушкарева. М., 1999; *Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: Материалы Международной конференции (С.-Петербург, 26–27 мая 1997 г.)*. СПб., 1997.

Статей, касающихся взаимоотношений в семье и неподобающего поведения с родными, в исповедных вопросниках немного; гораздо чаще появляются вопросы о поведении по отношению к родителям. В западных пенитенциариях эти сюжеты рассматривались главным образом в рамках четвертой (в католическом исчислении) заповеди декалога «Почитай отца и мать свою».

Вопросы об убийстве делились на два основных вида: убийство взрослого человека и убийство ребенка. Вторые чаще всего были адресованы женщинам и подразумевали как смерть ребенка, так и вольную или невольную гибель плода. При наложении епитимьи учитывалось, как правило, был ли убитый «ближним» или «неближним»; лишился он жизни на войне (во время рати) или в результате разбойного нападения; реже учитывался способ, каким было совершено убийство.

Статьи о кражах появляются преимущественно в текстах, предназначенных для мужчин, чем в вопросниках для женщин; в первом случае они также обладают большим разнообразием. Под «кражей» подразумевались «татьба» и грабеж; ограбление мертвых или могил; посягательство на церковное и монастырское имущество; «запрение» чужого (отказ возвращать взятое во временное пользование или на хранение). К кражам тематически примыкали прегрешения, связанные с причинением вреда чужому имуществу — в основном статьи о поджоге, а также порча нив и скота.

Содержание вопросников свидетельствует о том, что Церковь регулировала также повседневное поведение верующих: исповеди и наказанию подлежали многообразные бытовые прегрешения (драки и ссоры, проклятия и ругань). Определенное внимание уделялось и сфере хозяйственной деятельности: вопросники включали статьи о несправедных доходах, ростовщичестве, невыплате денег по найму. Последний блок сюжетов занимает в русских исповедных текстах ничтожно малое место по сравнению с тем, какой вес он имел в западных пенитенциариях позднего средневековья — начала Нового времени.

Сфера публичного поведения верующего представлена такими грехами, как клевета и ложное принесение клятвы. Сюда же зачислялись взяточничество, целование креста как способ принесения присяги, лжесвидетельство на суде и при заключении сделки (т.н. ложное послушество).

В вопросниках встречается большое количество статей, посвященных нарушению церковных канонов, обрядов, осквернению церковных святынь. Эти вопросы можно разделить на несколько обширных тем: осквернение причастия, физическая чистота при исполнении обрядов и таинств, пост, посещение богослужений и поведение в церкви.

Вопросники содержат также богатый материал по языческим, псевдохристианским и даже еретическим представлениям, который используется для исследования т.н. народного христианства¹¹. Встречается огромное количество статей, говорящих о магии и колдовстве, учитывается широкий спектр таких практик, как: волхование; «недобрый промысел» и ворожба; «наузы» или использование заговоренных предметов; умывание молоком и медом и любовные снадобья; кража «очей» у икон или украшений округлой формы, которые подвешивались к иконам и крестам; молитвенные обращения к демоническим существам; святочные, богоявленские, великопостные гадания и обряды. К этой группе примыкают единичные статьи о развлечениях и игрищах, куда иногда относили и охоту.

На практике исповедь не исчерпывалась простым ответом кающегося на задаваемые ему вопросы. Приступающий к таинству христианин еще до расспросов духовника должен был самостоятельно рассказать о своих прегрешениях. «Книжным» разрешалось использовать сделанные для памяти записочки с перечнем совершенных проступков. К сожалению, исповедные тексты не позволяют понять, как грешник готовился к таинству и «испытывал» собственную совесть; как на практике выстраивалась беседа кающегося и духовника; как верующие относились к наложенному на них наказанию. Сомнений не вызывает лишь то, что исповедь практически во всех христианских сообществах (за исключением протестантских) играла роль важного социального института, исполняя, помимо присущих ей сакраментальных, также функции дисциплинирующие и способствуя развитию у верующих навыков самоанализа и самоконтроля.

М.А. Корзо

¹¹ Значительный интерес в этом отношении представляет исследование Е.Б.Смилянской «Волшебники, богохульники, еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в.» (М., 2003).